

К ПРОБЛЕМЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КЛАССИКИ В ЯКУТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ (НЕКОТОРЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗАХ И.С. ТУРГЕНЕВА И Н.Д. НЕУСТРОЕВА)

В работе затронуты проблемы традиций русской литературной классики в якутской художественной прозе. В статье рассматриваются символические образы безобразной, уродливой природы на примере сопоставительного анализа текстов «Записок охотника» И.С. Тургенева и рассказов «Рыбак Платон», «Прокаженные», «Дикая жизнь», «Семенчик» Н.Д. Неустроева. На основе проведенного исследования выявлено влияние Тургенева на поэтику Неустроева. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме литературоведения – изучению межлитературных связей. Данная проблема мало изучена и требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, Н.Д. Неустроев, символ, образ, мотив, традиция, пейзаж, синоним.

Якутская литература, как и любая другая национальная литература, представляет собой синтез художественных традиций и «продуктов» литературных взаимосвязей, бытующих в настоящее время. В якутском литературоведении вопросы развития литературных связей, начиная с середины прошлого века, стали предметом последовательного изучения. Следует отметить, что это относится преимущественно к русско-якутским контактам и влияниям на этапе становления и развития якутской письменной литературы. Разные аспекты проблемы были освещены в работах Н.П. Канаева, Г.К. Боескорова, Н.Н. Тобурокова, Г.С. Сыромятникова, Г.Г. Окорочкова, А.А. Бурцева, М.Г. Михайловой, З.К. Башариной, Г.Т. Андреевой, П.В. Максимовой, А.А. Билукиной, М.Н. Дьячковской, Е.С. Сидорова, И.С. Емельянова и других литературоведов [3, с. 6].

Потребность в изучении межлитературных связей продиктована стремлением рассмотреть произведения якутских писателей в широком историко-литературном контексте, поисками новых подходов к изучению их творчества, необходимостью дать правильное истолкование того, на какой основе, на каких традициях она возникла и развивается. Это позволит глубже понять ее историческое место, роль и стоящие перед ней задачи. Сравнительное изучение позволяет установить как общие закономерности литературного процесса, так и национальную специфику отдельной литературы.

Огромное влияние на якутскую литературу оказали произведения русских классиков. Якутские писатели, в том числе и Николай Денисович

Неустроев, рано открыли для себя произведения уже признанных писателей. На сегодняшний день Н.Д. Неустроев известен как один из самых молодых классиков якутской художественной литературы, талантливый прозаик, драматург, первый комедиограф, переводчик, фольклорист, исследователь-этнограф. Имя Николая Денисовича Неустроева образует неразложимую «триаду» вместе с именами А.Е. Кулаковского и А.И. Софронова, как основоположников якутской письменной литературы. Именно Неустроевым внесен значительный вклад в становление якутской прозы и его жанровых форм. В рассказах якутского писателя заметно влияние прозы Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, А.П. Чехова. О возможном влиянии Тургенева на творчество Неустроева упоминается в книге Г.П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя» (1994). К сожалению, автор лишь выдвигает теорию предположения о возможных существующих традициях русских писателей в творчестве Неустроева. Похожее наблюдение сделала В.Б. Окорочкова в своей книге «Пути развития прозы в литературах народов Якутии» (2001), где автор пишет: «В рассказе Н.Д. Неустроева можно найти мотивы, идеи рассказов раннего Тургенева, который в «Записках охотника» представил галерею «маленьких» людей русской глухомани и раскрыл грани таланта, богатство души в народном характере». Вопрос наличия традиций Тургенева в прозе Неустроева остается неисследованным в полном объеме.

В данной статье рассматривается бытование тургеневских символических образов в прозе Н.Д. Неустроева [1, с. 55].

В «Записках охотника» (1847–1852) И.С. Тургенева мир природы далеко неоднозначен в его отношении к человеку. Наряду с живыми силами в нем есть силы злые, враждебные, мертвящие жизнь. Чаще всего при анализе «Записок...» мы обращаем внимание на красоту природы и не замечаем, что у Тургенева она не свободна от драматических начал. В книге есть устойчивый повторяющийся мотив уродливой, безобразной природы. Е.М. Ефимова в интересной статье о пейзаже «Записок охотника» обратила внимание на лейтмотив оврага [4]. Впервые он возникает в рассказе «Хорь и Калиныч», где бегло сообщается о том, что Орловская деревня обыкновенно расположена «близ оврага» и что в ней, «кроме немногих ракушек..., деревца на версту кругом не увидишь». Подробное описание оврага, навевающее неприятные ощущения, вызванное данным мотивом, дано в «Бежином луге», где заблудившийся, застигнутый угрюмым мраком ночи охотник испытывает «странное чувство», когда попадает в ложину, имевшую вид «почти правильного котла с пологими боками»: «На дне ее торчало стоймя несколько больших белых камней, – казалось, они сползли туда для тайного совещания, – и до того в ней было немо и глухо, так плоско, так уныло висело над нею небо, что сердце у меня сжалось». Образ страшного, проклятого людьми урочища не раз возникает на страницах «Записок охотника». Пейзаж такого рода концентрирует и сгущает в себе чувства тревог и страхов, вызванных вековыми народными бедами и невзгодами. Излучаемые стихийными силами природы эти чувства сохраняют в «Записках охотника» глубокий социальный смысл. Мотив оврага прослеживается и в других рассказах. Поистине «духом немым и глухим» исполнены подобные картины в «Записках охотника», где они достигают кульминации в рассказе «Певцы». Деревня Колотовка стоит на холме, сверху донизу рассеченном «страшным оврагом, который, зияя, как бездна, вьется, разрытый и размытый, по самой середине улицы». Всячески подчеркивается безжизненность этого страшного оврага: его не оживляют ни растительность, ни ключи, бока его «песчаные», дно «сухое и желтое, как медь», на дне лежат «огромные плиты глинистого камня». Мотив изуродованного человеческими и природными усилиями безжизненного пейзажа развивается

в «Записках охотника» по тем же самым художественным закономерностям, которые действуют в динамике характеров книги [4, с. 136].

Мотив пугающего безжизненного пейзажа отнюдь не исключение и для рассказов Н.Д. Неустроева. В нем, как и у Тургенева, заключено всеобщее человеческое зло, которое авторы вынесли в пейзажный пласт, формируя тем самым двойной подтекст среди всеобщей гармонии в природе. Так, мотив оврага прослеживается в пейзажной картине Неустроева в рассказе «Рыбак Платон» (1926), где в эпицентре сюжета виден образ старого и одинокого рыбака: «...возле костра лежит несколько берестяных чашек, вокруг шалаша находится овраг, дно которого обсыпано рыбьей чешуей...» [6, с. 128]. Мотив оврага, аккуратно вписанный в общую детализацию пейзажа, приобретает амбивалентное значение, которое, с одной стороны, играет роль «фона» реалистического пейзажа, с другой стороны, является предметом раскрытия общечеловеческих проблем бытия. Проецируя мотив оврага на мотив разрушения, Неустроев посредством пейзажа говорит о несовершенстве земной жизни, которое сравнимо с силой разрастающегося оврага, заглушающего живую растительность.

Рассказ Неустроева «Рыбак Платон» является не единичным случаем, когда вместе с цветущей красотой природы проступает мотив уродливой, безобразной природы. Наряду с мотивом оврага в прозе Неустроева привлекает внимание часто повторяющийся в рассказах мотив черного леса, дремучей тайги. В рассказе «Семенчик» (1921), место действия и все события разворачиваются в лесу. Автор неоднократно живописует лес, сопровождая его описание эпитетами «темный», «черный». Кругом «черный лес», который символизирует безвыходность ситуации. Окружив Семенчика, лес закрывает ему выход к просвету. Черный лес – это жизненная драма, с которой столкнулся Семенчик лицом к лицу. В рассказе «Рыбак Платон» также присутствует мотив черного леса, дремучей тайги: «Среди темного леса светлеет и слегка волнуется маленькое круглое озерцо. Зайдя в чащу густого черного леса..., замечаешь, что здесь нет ни поляны, ни пастбища, разве что возле озера стоят зачахшие сосны, которые потонули в воде и кое-как держатся на своих темных ножках. Глядя на эту печальную кар-

тину, сердце изнывает болью, душу переполняет жалость» [6, с.127]. Образ дремучего леса в «Рыбаке Платоне» передает особое эмоциональное состояние героев, усиливая лирическое звучание. Для героев Неустроева характерно ощущение их слитности с миром природы, которая стала частью их бытия. Они растворены в природе, а природа в них. Ритм живой природы пронизывает все сферы жизни [6, с. 53]. В «Рыбаке Платоне» герой окружен какой-то зловещей стихией образа могучего чернотенного леса, в «Прокаженных» (1918) слышится что-то грозное в ропоте дремучей тайги, в «Дикой жизни» (1915) мрак и черный цвет властвуют во всех описаниях леса [6, с. 54]. Мотив черного леса, дремучей тайги занимает главенствующую позицию в рассказах Неустроева и олицетворяет в общем контексте злые силы, враждебные всему живому. Как и у Тургенева, в рассказах Неустроева отчетливо прослеживается явная связь природы и событий.

Одним из выразительно-символических слоев мотива безжизненной, безобразной природы является появление в пейзаже И.С. Тургенева сухого дерева (ствола, хвороста). Так, в рассказе «Смерть» показан мертвенный пейзаж: «...засохшие <дубы и ясени – Е.Д.>, обнаженные, кое-где покрытые чахоточной зеленью, печально высились они над молодой рощей... Иные, еще обросшие листьями внизу, словно с упреком и отчаянием поднимали кверху свои безжизненные, обломанные ветви; у других из листвы, еще довольно густой, хотя не обильной, не избыточной по-прежнему, торчали толстые, сухие, мертвые сучья; с иных уже кора долой спадала; иные, наконец, вовсе повалились и гнили, словно трупы, на земле» [7, с. 170]. Череда несчастных случаев и смертей, упоминаемых в рассказе, отражается в природе как сумма явлений прошлого, создавая равноценную константу в сюжетной линии, в органике пейзажа как фона. В данном случае сухие ветки, засохшие деревья символизируют смерть, конец всему живому. Автор использует прием не контрастов, а параллелей созвучных друг другу.

Сухое дерево (ствол, хворост) нашло отражение и в рассказах Н.Д. Неустроева. В них, лоно зеленой, цветущей гармонии природы нарушает мотив безжизненного, безобразного пейзажа, который настораживает нас в отношении к происходящим событиям. Появление в расска-

зе «Прокаженные» сухого хвороста («Егор помог больным выбраться на берег и стал разводять костер, собрав для этого сухого хвороста»), как и у Тургенева, характеризует губительные процессы, не щадящие ничто живое на земле. В рассказах Неустроева сухое дерево (хворост) обозначает не только смерть и гибель, но и опасность. Так, в очерке «Дикая жизнь» Неустроев как бы предупреждает читателя о возможной опасности, готовит к восприятию чего-то страшного: «Мы собрали сухой хворост, валяющийся на поляне... Пламя быстро охватило сухие ветки <...>. В этот день глаза наши не отрывались от леса. В следующую ночь мы развели костер, нарочно подобрав для этого сухие стволы деревьев молодого леса, уничтоженного лесным пожаром» [6, с. 211]. Подстерегающая героев опасность – медведь. События и пейзаж «чувствительны» друг к другу. В рассказе «Семенчик» мотив сухого, прогнившего дерева несколько меняет свою смысловую нагрузку и служит способом проявления пустых хлопот и напрасных мечтаний: «Направляясь из лесу, Семенчик, внезапно для себя оказался сидящим на стволе упавшей и засохшей в труху лиственницы». Мечта Семенчика о взаимной любви рассыпалась, как труха прогнившего и засохшего дерева. Как у Тургенева, так и у Неустроева контрастное противопоставление цветущей природы и безжизненного пейзажа рождает многофункциональную антитезу, которая характеризует настроение героя, предупреждает события, движущиеся к драматической развязке сюжета. Данный мотив развивает идеи, связанные с мыслями о том, что все живое имеет конец.

Тургенев является мастером пейзажа с философской направленностью. В этом случае пейзаж часто обретает идейно-символическое значение [5, с. 88]. В рассказах Тургенева нередко встречается упоминание о дыме (тумане, гари). Этот повторяющийся мотив выступает как сравнение, метафора, деталь пейзажа, наделенный символическим значением. В контексте русской литературы образ дыма реализуется как один из сложных мотивов. С одной стороны он является воплощением безудержной, тревожной, бессмысленной жизненной игры, с другой – служит лейтмотивом смерти. Образ густого белого дыма присутствует в рассказе «Ермолай и мельничиха»: «Ермолай бросил несколько еловых веток на огонь; ветки тотчас дружно затрещали, густой белый дым по-

валил ему прямо в лицо» [7, с. 24]. Дым олицетворяет неудачно сложившуюся жизнь Арины <мельничихи – Е.Д.>. Мечты выйти замуж за любимого человека и жить у своей барыни исчезли бесследно, как «дым». В употреблении данного символического образа особое значение приобретает сопровождающий его эпитет цветового определения. Белый цвет смягчает семантику мотива. Внешняя идиллия Арины обманчива. Она живет с нелюбимым мужем. Нередко образ дыма в литературе ассоциируется с темой смерти, отсутствием жизни, чем-то «мертвым» [2, с. 23], как в рассказе «Бирюк»: «Горький запах остывшего дыма неприятно стеснял мое дыхание» [7, с. 136]. Горький запах дыма сопоставим с горькой, несчастной судьбой главного героя. В «Бирюке» символический мотив расширяет диапазон значений основного символа, распространяя его на область социальной проблематики. От Бирюка <прозвище главного героя – Е.Д.> ушла жена, оставив маленьких детей. Герой в одиночку воспитывает детей, живя в крайней нищете: «Я в другой раз осмотрелся. Изба показалась мне еще печальнее прежнего» [7, с. 136]. Образ дыма представляет собой не просто выразительную сюжетную деталь. Это лейтмотив всего описания, выполняющий идейно-символическую функцию, осуществляющий ассоциативную связь между драматическими событиями в рассказе и атмосферой, в которой они созревают. Рассмотренный ряд символов в «Бирюке» и «Ермолае и мельничихе» тяготеет к общему значению разочарования, тщетности надежд, бессмысленности существования и всякого действия [2, с. 25].

В рассказе «Касьян с Красивой Мечи» образуются синонимический ряд: дым – дымный воздух – гарь: «Я <автор-повествователь – Е.Д.> всунул голову в комнату, посмотрел: темно, дымно и пусто. <...> вдруг прервал самого себя мой кучер и, остановив лошадей, нагнулся набок и принялся нюхать воздух. – Никак гарью пахнет? Так и есть!» [7, с. 106]. Образ дыма иногда связывают с областью иррационального и таинственного. Все происходящее в рассказе показано в двойном восприятии: скептика (рассказчик) и мистика (герой). Так, Касьян признается барину во время охоты: « – Барин, а барин, – заговорил он, – ведь я виноват перед тобой; ведь это я тебе дичь-то всю отвел. – Как так? – Да уж это я знаю <...>. Я бы напрасно стал убеждать Касьяна в невозможности «заговорить» дичь и потому ничего

не отвечал ему» [7, с. 105]. Странные обстоятельства находятся в полном соответствии со складом характера и общим настроением героя: « – Блоха-то? <Касьян – Е.Д.> – заговорил он <кучер Ерофей – Е.Д.> наконец, передернув вожжами. – Чудной человек: как есть юридивец, такого чудного человека и нескоро найдешь другого». Таинственные силы действуют не только как внешние, но и как внутренние. Стечение событий и их интерпретация – это уже проявление его собственного «я». Образ дыма, гари можно назвать символическим и потому, что он указывает на участие в сюжетной линии таинственных, иррациональных сил [2, с. 27]. В «Бежином луге» образ дыма варьируется необычайно широко, образуя синонимический ряд: дым – тени – пыль – туман. Мотив дыма нагнетается, его сюжетообразующая роль становится все заметнее. «Последние из них <облака – Е.Д.>, черноватые и неопределенные, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; <...> начинали густеть и разливаться холодные тени...красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька <...> Легкая пыль желтым столбом поднимается и несется по дороге <...> Я кивнул ему головой и пошел восвояси вдоль задымившейся реки. <...> Сзади по длинной пыльной дороге..., стыдливо синевшей из-под редющего тумана...» [7, с. 91]. Мотивы, образующие в рассказе синонимическую цепочку, символизируют тайну, соприкосновение с потусторонним миром, которое манило юных героев, их вступление в область запретного, одновременно – заблуждение героев, обмороченных какими-то незримыми демоническими силами, которые изредка «дают о себе знать», дразнят и в итоге влекут гибель одного из мальчиков. Загадка жизни всегда волновала Тургенева. Пытаясь разрешить ее, и, понимая, что это невозможно, писатель впадал иногда в тяжелое сомнение относительно самого ее существования: «Страшно то, что нет ничего страшного, что самая суть жизни мелко неинтересна и нищенски плоска». Загадку жизни, в представлении Тургенева, скрывает в себе царство природы. Символический мотив дыма (тумана) выступает нередко как деталь пейзажного описания, которая при этом получает философскую нагрузку. В таком пейзаже за очертаниями реального мира проступает другой – зыбкий, колеблющийся, необъяснимый. Этот второй мир, черты которого трудно-уловимы, и влечет к себе героя, и отталкивает его.

В познании мира тургеневский герой руководствуется обычно своей интуицией, которая не всегда ведет его верным путем. Одно из частных значений рассмотренного мотива – покров, защита, которая требуется человеку тогда, когда возможно столкновение его с «тайными силами» жизни, представляющими для него прямую угрозу или потенциальную опасность. Тургеневский герой вполне осознает ограниченность своих возможностей в постижении законов жизни, свою малость и слабость в сравнении с мощью природного и социального мира, и защита эта представляется ему необходимой. Однако в конкретной жизненной ситуации такая защита может оказаться ненадежной или мнимой. В этом случае мотив дыма (тумана) также символизирует заблуждение или нежелание героя знать опасную для него истину [2, с. 29].

Мотив дыма (тумана) встречается и в рассказах Неустроева. Образ дыма, как и у Тургенева, выполняет идейно-символическую функцию и тяготеет к философизму. В самом общем его значении мотив дыма (тумана) можно отнести к сфере мировоззренческой, область его содержания связана с проблемой познания мира, осмысления жизни, прикосновения к тайне бытия. В рассказе «Рыбак Платон» Неустроева, как и в «Ермолае и мельничихе» Тургенева, образ дыма затрагивает схожие области значений: «Каждый вечер курился легкий дымок в дальней стороне озера на краю, поросшей молодым леском поляны. Если дойти до этой кромки озера, можно было увидеть покосившийся, почерневший от дыма и дождей, сделанный из древесной коры скрадок. Перед ним и поднимался дым от костра. ...Затем он <рыбак Платон – Е.Д.>, низко наклонившись к огню, почти лежа на нем, стал дуть на костер своим беззубым ртом, белая зола, взметнувшись ввысь, осыпала его лицо, не смутившись этим, старик продолжал раздувать костер... Потом, как заядлый курильщик, заложив в берестяной обрезок табак, с наслаждением затянулся» [6, с.128]. Дым в картине является воплощением пустоты, тщетности надежд, погруженности героя в думы о бессмысленности существования. Дымящийся воздух описывается Неустроевым как воспоминание, раздумье старого рыбака о прожитой им в одиночестве жизни. Старик Платон «тихо» и незаметно умирает, исчезает, словно дым растворяется в природе. Пейзажная картина медленно дымящегося костра дается в аспекте конкретного индивидуального со-

знания человека, и поэтому она сохраняет естественные контуры. Как у Тургенева в «Бирюке», в рассказе Неустроева «Прокаженные», мотив дыма (тумана) часто выступает как символ человеческих заблуждений и ошибок, неверной ориентации по отношению к миру в целом и в конкретных жизненных ситуациях в частности. «...Огонь быстро загорелся и с шипением выбрасывал вверх дым и искры» [6, с. 186]. Символический мотив дыма, выступающий в качестве детали пейзажного описания, играет в рассказе важную смысловую роль. Это ретроспективные переживания героя о жизни, прожитой впустую, к ним добавляются драматические события. Как и у Тургенева, у Неустроева образ дыма является философски значимым и ассоциируется с глубочайшими тайнами жизни. Образ дыма в «Прокаженных», как и во многих произведениях Тургенева, характеризует то «хрупкое пространство», в которое попадает герой и зачастую теряет жизненные ориентиры. Тогда это «хрупкое пространство» начинает разрушаться вместе с ним, приводя к трагическому финалу. Семенчик в рассказе руководствовался не разумом, а первобытными чувствами и плотскими желаниями, вступая за запретную черту, но это его не остановило. И теперь, когда он все осознал, стало уже поздно. Его болезнь, как безжалостный механизм, пущенный в оборот, работает против него. В конце рассказа Семенчик умирает. Таким образом, мотив дыма в рассказе Неустроева обращен и к теме смерти.

Мотив дыма (тумана) в прозе Тургенева связывается с областью иррационального, непознанного и, может быть, непознаваемого вообще. Но, в целом, как у Тургенева, так и Неустроева, образ дыма отражает сложность положения человека в окружающем его мире.

Таким образом, многозначность слов, разнообразие мотивов и символических образов И.С. Тургенева и Н.Д. Неустроева имеет схожие черты. В повествовательной ткани рассказов Тургенева и Неустроева преобладают мотивы разрушающего характера. Из них мотив дыма (тумана) относится к иррациональной стихии. Большинство вышерассмотренных мотивов по их семантической структуре приводят к гибели героя. Склонность к иррационализму приближает поэтику Неустроева к поэтике Тургенева. Художественные детали Неустроева и Тургенева способствуют созданию определенной атмосферы изображаемого, углубляют психологичес-

кую характеристику, подготавливают развязку сюжета, проявляют глубинный подтекст.

В прозе Неустроева наблюдаются традиции Тургенева, в основном, как типологические сходства. Влияние русской литературной классики шло не как подражание или прямая учеба, сознательное следование за любимыми образцами, а как подсознательное, интуитивное восприятие и освоение определенных творческих приемов, как творческая переработка того, что постепенно входило в сознание писателя. Неустроеву был близок органический демократизм и общий гуманистический пафос Тургенева. Отсюда – бли-

зость идейных замыслов. Сближала их и позиция интеллигента по отношению к народу. Общими были и такие индивидуальные особенности их характеров, как романтическая настроенность, философский склад ума, элегичность. Именно поэтому его внутренний мир, обогащенный воспринятым от художественных произведений и личности И.С. Тургенева, выразился на разных уровнях содержательного и эстетического планов. Тем не менее, Неустроев остается самобытным, оригинальным якутским прозаиком, творческая индивидуальность которого формировалась на национальной основе.

22.10.2012

Список литературы:

1. Андреева Г.Т. К проблеме русско-якутских литературных связей // Вестник Якутского государственного университета им. Аммосова. Серия Гуманитарные науки. Якутск, 2008. Том 5, №1. С. 55-60.
2. Барсукова О.М. Мотив тумана в прозе И.С. Тургенева // Русская речь. 2002. Ч.3. С. 21-29.
3. Бурцев А.А. Диалоги в едином пространстве мировой литературы: международные связи якутской литературы. Якутск, 2004.
4. Ефимова Е.М. Пейзаж в «Записках охотника» Тургенева. В кн.: Ю.В. Лебедев «Записки охотника» И.С. Тургенева. Статьи и материалы. Орел, 1955. С. 271-273.
5. Курляндская Г.Б. Художественный метод Тургенева – романиста. Тула, 1990.
6. Неустроев Н.Д. Родному краю, любимому народу: пьесы, рассказы, очерки, перевод, стихи, письма, документы. Якутск, 1995.
7. Тургенев И.С. Собрание сочинений. Записки охотника. М., 1961.

Сведения об авторе:

Дьячковская Елена Николаевна, соискатель кафедры русской и зарубежной литературы Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, преподаватель русского языка и литературы ГБОУ «Профессиональный лицей №2»
678386, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, д. 58
e-mail: hdyackovskaya2605@mail.ru

UDK 82.091

Diachkovskaya E.N.

SOME SYMBOLICAL IMAGES IN STORIES OF I.S. TURGENEV AND N.D. NEUSTROEV (TO THE PROBLEM OF TRADITIONS OF RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE IN YAKUT CREATIVE PROSE)

The paper touches upon the problems of the literary traditions of the Russian classics in the Yakut fiction. The article deals with symbolic images of ugly, ugly nature of the example of comparative analysis with «Hunter notes» I.S. Turgenev's story «The Fisherman Platon», «The lepers», «Wildlife», «Semenchik» N.D. Neustroeva. Based on the research revealed Turgenev's influence on the poetics Neustroeva. The article is devoted to the actual problem in literature today – study of inter literary relations. This issue is poorly understood and requires further research.

Key words: I.S. Turgenev, N.D. Neustroev, symbol, form, motive, tradition, landscape, synonym.

Bibliography:

1. Andreeva G.T. To problem russian-yakut literary relationships // The Herald of the Yakut state university named by M.K. Ammosov. The Series Humanitarian sciences. Yakutsk, 2008. That 5, №1. P.55-60.
2. Barsukova O.M. The Motive of the mist in prose I.S. Turgeneva // Russian speech. 2002. Part 3. P. 21-29.
3. Burcev A.A. Dialogues in united space of the world literature: international relationship of the yakut literature. Yakutsk, 2004.
4. Efimova E.M. The Landscape in «Note of the huntsman» Turgeneva. In book YU.V. Lebedev «Notes of the huntsman» I.S. Turgeneva. Articles and material. Orel, 1955. P. 271-273.
5. Kurlyandskaya G.B. Artistic method Turgeneva – a novelist. Tula, 1990.
6. Neustroev N.D. Native Krayu, loved folk: plays, tales, essays, translation, poetry, letter, documents. Yakutsk, 1995.
7. Turgenev I.S. Meeting of the compositions. Moscou, 1961.